

Этой статьей Галины Аксеновой мы завершаем серию публикаций о театральной жизни Израиля. Внимательные читатели наверняка не пропустили ее предыдущие материалы «Иерусалим собирает театры» («ЭС» № 26) и «Сначала сабры. Об олимпах потом» («ЭС» № 29).

Для начала вернемся к названию предыдущей статьи. Кто такой «сабра». Это человек, рожденный в Израиле, коренной житель страны. «Олим» — приехавший, а точнее взошедший в Израиль человек, тот, кто хочет здесь прижиться, узнать местные традиции и, может быть, обогатить эту землю тем, чему научился в стране, в которой родился.

В ОЖИДАНИИ ВТОРОГО СПЕКТАКЛЯ

«Гешер» — по-русски «мост». Так называется театр, созданный в Тель-Авиве Евгением Арье и Владиславом Мальцевым. В театре по контракту работают актеры Театра имени Маяковского — ученики Арье, которые играли в «Розенкранце и Гильденстерне», а также Л. Каневский, Г. Лямпе, В. Никулин.

Первым спектаклем «Гешера» стал последний спектакль Арье в СССР — «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Он был доброжелательно принят критикой, решившей поддержать идею рождения в стране русскоязычного театра.

Однако на Иерусалимском фестивале, где можно было увидеть спектакль, реакция на него была разноречивой. После первого акта часть зрителей покинула зал, после второго количество пустых мест увеличилось, кто-то уходил во время последнего действия. Но те, кто остался, устроили театру овацию.

Что же говорили зрители, покидавшие спектакль? Кто-то считал его затянутым, кто-то видел пьесу Стоппарда более двадцати лет назад и находил ее устаревшей, кто-то думал, что не стоило открывать театр английской пьесой. Однако игра актеров и талант режиссера удержали в зале тех, кто придет и на следующий спектакль «Гешера».

Сам спектакль почти не отличался от того, который шел в Москве, однако в нем появились новые исполнители, изменившие характер персонажей.

Главного актера сыграл Борис Аханов, еще год назад работавший в русском театре в Риге. Его герой — драматург, придумавший завязку и с любопытством следящий за тем, как выкручиваются его герои (хотя сам он знает финал, ибо хороший психолог). Он не проявляет силу, которой обладает, и мощная плебейская энергия, которая могла бы возмутить весь спектакль, только предчувствуется в Актере. Завертев колесо Фортуны, его герой стоит у того места, где Своенравная выбрасывает тех, кто проиграл, либо побоялся вступить с ней в спор. Актер принимает жертву и играет свою последнюю роль — Палача.

Сегодня Борис Аханов приглашен в театр «Хан» и скоро сыграет там первый спектакль на иврите. Это будет «Скамейна» Александра Гельмана. Эту же пьесу готовит и «Гешер», правда, на русском языке. Мужскую роль репетирует Леонид Каневский. Две премьеры одной пьесы появятся одновременно.

Кто-то из критиков считает, что «Гешер» должен ставить русскую классику, кто-то из местных драматургов мечтает увидеть на сцене театра пьесы ивритских авторов, кто-то вообще отрицает идею русского театра в Израиле. «Гешер» — предмет дискуссий. Он на виду. Название театра мелькает в статьях, звучит по радио, по телевидению. Будущее в руках театра, поэтому он работает и готовит к выпуску следующую премьеру — «Дело Дрейфуса». Она должна стать событием. Здесь не будет скидок на дебют, здесь необходимо расплатиться за громкие авансы.

«ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА»

Это название взято из статьи, посвященной израильской дебютантке, сыгравшей спектакль «Русская любовь». Но начну издаleка.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

В конце прошлого века знаменитая Хелена Моджеевская переехала из родной Польши в Америку. Там она поняла, что ее сценическая слава осталась на родине, а в новой стране она — великая польская актриса — всего лишь бедная эмигрантка. И она начала все сначала, как начинают дети: она училась складывать слова на чужом языке.

Спустя время Хелена Моджеевская стала звездой американского театра. Для Польши она — символ и легенда. Именно о ней вспомнила я, когда оказалась в малом зале Камерного театра в Тель-Авиве.

«Звезды на утреннем небе» А. Галина в Малом драматическом театре были событием не только Москвы и Ленинграда. Спектакль много гастролировал по миру, сопровождаемый хвалебной прессой. Актеров не выделяли: в отдельном анализе нуждалась каждая роль, блестяще сыгранная додскими учениками. Однако имя Ирины Селезневой — исполнительницы одной из главных ролей — вошло в список ярких дарований в новом поколении советских актрис.

Премьеры в Малом драматическом театре редки. Режиссер предпочитает монолитную труппу собранию лидеров и массовки. Это, конечно, его право, но и у актера остается право стремиться к максимальному самовоплощению, тем более если талант обещает большее, чем от него востребовано.

МОСТЫ

Все билеты на спектакль «Русская любовь» в Камерном театре проданы, хотя идет он часто, четыре раза в неделю. Он получил первую премию на израильском фестивале моноспектаклей 1991 года и собрал невиданный в стране урожай восторженной прессы. Слухи о гениальной русской актрисе, словно эпидемия, охватили страну и заполнили залы, где играет Селезнева — ныне актриса Камерного театра.

Ирина Селезнева — ученица Льва Додина, актриса Ленинградского Малого драматического театра, сегодня живет в Израиле. Вместе со всей страной она пережила здесь войну и уже считается старожилом.

За шесть месяцев (из них два военных) Ирина сделала звуки чужого языка своими. Она лишила себя права на акцент, считая, что это входит в понятие профессии. Однако не блестящий иврит, о котором говорят зрители-сабры, повод для восторгов критики. На иврите были сыграны отрывки из русской классики. Актриса мастерски сложила перед зрителем театральную мозаику под названием «Русская любовь». Это собрание монологов: Сони из «Дяди Вани», Раневской из «Вишневого сада», Грушеньки из «Братьев Карамазовых», Катерины из «Грозы», гоголевской Агафьи Тихоновны.

Она стремительно, но внятно пронеслась по монологам, связанным темой любви. Ее собеседником был зал, которому актриса с доверчивостью своих героинь рассказывала о себе. Сквозь чужие, знаменитые слова до зрителя доносилась исповедь актрисы, идеально произнесенная на чужом языке.

«Вы меня не знаете, а я иду к вам, мне тоже не знакомым, иду не потому, что мне что-то от вас надо. Иду к вам, потому что без вас, моего зрителя, театра не существует». Кажется, примерно такой внутренний монолог звучит со сцены Камерного театра. Актриса предваряет спектакль кратким вступлением: «Я Ирина Селезнева. Мне 29 лет. Я из Ленинграда». Ирина говорит это по-русски, а затем переходит на иврит. Зал понимает, что за актрисой стоит богатый, родной язык, но чтобы быть услышанной здесь, она покидает его пределы.

Играть на чужом языке интереснее. Исчезает опора на слова как средство информации. Музыка речи, манера говорить, мимика, точный выверенный жест — все несловесное приобретает первостепенное значение.

«Русская любовь» — встреча со зрителем, который за время действия из чужого становится своим.

«Первая премия на фестивале — почти унижение для такой актрисы, как Ирина Селезнева» — писали восхищенные критики. «Восходящая звезда» — хочется, чтобы этот заголовок стал пророческим в судьбе Ирины Селезневой, русской актрисы, играющей на иврите.

Это всего несколько спектаклей из тех, что каждый вечер собирают полные залы театров. В новой израильской опере в Яффо, существующей всего второй сезон, уже идут спектакли. Среди них — замечательные «Сказки Гофмана» с Зехавой Галь. Десять лет назад она потрясла театральный мир исполнением главной партии в «Трагедии Кармен» Питера Брука.

В Бершевском театре идут спектакли для взрослых и детей, в том числе «Принцесса и пастух» по Андерсену. Можно посмотреть пьесы известного автора Левина в его же постановке. Можно провести вечер на недавно отреставрированной площади Тель-Авива, где теперь играют авангардные театры. А можно переезжать с фестиваля на фестиваль: их много в этой небольшой стране. Было бы желание, время и деньги.

Галина АКСЕНОВА.

ТЕЛЬ-АВИВ — МОСКВА.

● Ирина Селезнева в спектакле «Русская любовь».